

«FEMEN - спецназ феминистского движения» | "FEMEN est une force spéciale du mouvement féministe"

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#), 07.03.2014.

Анна Гуцол - одна из основательниц движения Femen (photo Laurent Guiraud)
Швейцарские власти отказали в предоставлении статуса беженца одной из основательниц шумно известного женского движения Анне Гуцол. Пока адвокат Анны готовит апелляцию, мы встретились с Анной в нашей редакции в Женеве.

|
La Suisse a rejetée la demande d'asile déposée par la fondatrice de FEMEN. Pendant que son avocat prépare un appel, nous avons rencontré Anna Gutsol dans nos bureaux à Genève.

"FEMEN est une force spéciale du mouvement féministe"

FEMEN – незарегистрированное международное женское движение. Сами его участницы описывают себя на сайте так: «специально обученные женщины, физически и психологически готовые к выполнению гуманистических задач любой степени сложности и провокативности. Активистки FEMEN готовы к репрессиям в свой адрес и движимы исключительно идеологическими мотивами». Несмотря на малочисленность движения, каждая из его эпатажных акций привлекает внимание общественности и прессы. В 2011 году [первое европейское турне](#) Фемен началось с тихого швейцарского городка Ля Шо-де-Фон. И вот - личная встреча с одним из лидеров движения, в изменившихся обстоятельствах.

Наша Газета.ch: Можно ли назвать Вас создательницей FEMEN? Как такая идея пришла Вам в голову?

Анна Гуцол: Создательницей меня назвать можно, но нельзя сказать, что идея пришла в какой-то определенный момент. Наше движение – это постоянный поиск, постоянный эксперимент. Все началось с попытки создания феминистского движения на Украине, где оно практически отсутствовало. Молодые украинки жили с целью выйти замуж, народить детей и так далее. Я поняла, что должно быть что-то новое, не традиционное, но популярное, так как большая проблема многих гражданских организаций в том, что о них никто не знает. В этом проблема Добра вообще. Все эти задачи привели меня в Киев из родного Хмельницка – поскольку все происходит в столице, оттуда и надо было начинать, предварительно найдя единомышленников. Сначала было только название и группа из 20 девушек.

Давайте остановимся на названии...

Я над ним очень долго думала. Хотелось, чтобы оно было интернациональным, понятным всем.

Вы думаете, все понимают латынь?

Ну, это лучше, чем «Все женщины за будущее детей». Femen значит на латыни «женское бедро».

Или просто «ляжка». Как известно, Ева вышла из бедра Адама, это Вас не смущает?

(смеется) Мы исходили из медицинских терминов. Плюс родство со словом femme, феминизм, женщина. Мне нравилось, что в слово пять букв – это удобно для размещения на рекламной продукции. Не все сразу приняли это название, кому-то слышалось в нем men – мужчины. Но в итоге 10 апреля 2008 года мы собрались у меня на «пижамную вечеринку» и официально учредили женское движение под таким названием.

Изменилась ли с тех пор суть движения?

Цели остались те же, но изменилась форма. Тогда мы были просто веселыми девчонками, с розовыми шариками. Мы не были такими злыми и взрослыми, как сейчас. И дело не в том, что прошло шесть лет. Просто в 2010 году, с приходом к

власти Виктора Януковича, мы столкнулись с тем, что оказались в ином гражданском обществе. Нам пришлось перестать быть детьми, ведь мы увидели настоящую предвыборную войну между Тимошенко и Януковичем. И хотя ссорились два олигарха, страна оказалась поделенной на два лагеря. Наша первая акция – topless протест – прошла на избирательном участке, где голосовал Янукович. Тогда же мы сделали два важных для нас шага: с чисто женских тем перешли на общеполитические и выбрали новый формат протеста, который впоследствии стал частью нашей идеологии.

А почему все же с голой грудью?

В нашем движении очень важна наша самоидентификация как женщин. Есть ощущение принадлежности к амазонкам. В идеологическом смысле topless несет большую смысловую нагрузку, ведь обнаженная грудь – это символ раскрепощения женщины, выход из политического, экономического, сексуального, религиозного порабощения. Если проследить историю, то мне, по крайней мере, четко видно, что порабощение женщин началось именно с порабощения их сексуальности, к сведению ее к функции производства детей. За этим последовали все остальные формы угнетения. Нам очень важно, чтобы женщины восставали, нам важна демонстрация.

А сколько вас вообще в движении?

По миру нас немного, человек 200-300. Но если рассматривать феминизм в целом как армию, то мы – отряд спецназа. Наш отряд маленький, но он делает много шума. Наша последняя тактика секстремизма напоминает диверсию на территории врага. Я считаю, что в жизни Путина не было ничего более обидного, чем когда на него выбежала девушка с голой грудью и со слоганом «F... you, Putin». Что бы он ни говорил, его мир супер-мачо был дестабилизирован, а мужчин такого типа это страшно раздражает.

Нас немного, человек 200-300. Но если рассматривать феминизм вообще как армию, то мы – отряд спецназа. Сначала мы стремились просто достучаться, но когда увидели страх в глазах очень властных мужчин, то поняли, что голая грудь – мощное оружие. Кроме того, topless символизирует для нас мирный, ненасильственный протест – обнаженной женщине точно негде прятать оружие. А именно в таком виде наши активистки часто идут против вооруженных представителей власти.

Что Вы ощущали, когда впервые приняли участие в акции topless? Как преодолели естественные барьеры?

Большинство полагает, что голое женское тело – это что-то стыдное, что-то аморальное. Особенно такое мнение распространено в наших странах.

Насколько мне известно, нигде дамы с голой грудью по улицам не ходят, разве что где-то в Африке...

Мы тоже не ходим каждый день по улице голыми. В первую очередь нужно было самим для себя решить перестать стесняться, стесняться того, что ты – женщина. Мы прекрасно понимали, что topless – это шок, способ привлечения внимания. Но если с помощью голых женских тел рекламируют что угодно, от печенья до машин, то почему мы не можем использовать наши тела для борьбы за самих себя?

Вы не могли не задавать себе вопрос, правильно ли бороться с сексизмом сексизмом.

Конечно. И пришли к такому ответу: исторический опыт развития общества показывает, что угнетенный всегда использует для борьбы орудие собственного угнетения. Рабочий берет в руки молот, крестьянин – вилы. Как Вы знаете, слово саботаж возникло от башмака (сабо), которым рабочие железной дороги останавливали поезда. В ходе таких рассуждений мы и пришли к решению использовать topless в нашей борьбе. И нас подтолкнула с этому украинская власть – если бы не начал формироваться кабинет Азарова, в котором не было ни одной женщины, и не началось бы давление со стороны Службы безопасности Украины, возможно, мы бы на это и не решились.

Многие из тех, кто следят за вашей деятельностью, полагают, что основательницей движения была Инна Шевченко.

Вероятно, это связано с тем, что она работает из Франции, а именно наши европейские акции привлекли наибольшее внимание. На самом деле, она пришла через два года после создания организации. Однако в силу ее активности и эффективности мы считаем ее одной из основательниц движения, неотделимой его частью, вместо со мной, Сашей Шевченко и Оксаной Шачко.

А Вы лично по-прежнему участвуете в акциях topless?

Нет, уже давно не участвую. Я посвящаю свое время в основном организационной работе, планированию стратегии, размышлениям о нашем будущем. И надо дать дорогу молодым – «крещение боем», участие в акции, очень важно для них.

Решения о проводимых акциях принимаются коллективно?

Да, хотя бывают отклонения, неприятные сюрпризы. Недавно в Германии, в Дрездене, активисты проводили акцию, которая вышла не очень корректной – девушки написали плакат «Спасибо бомбардировщику Харрису». Человеку, бомбившему Дрезден.

Это просто глупо.

Да, это глупо. Как и коктейль Молотова, упавший перед российским посольством в Берлине. Бывает.

Но Вы не поощряете подобные действия?

Нет, мы выступаем исключительно за мирные методы борьбы.

Вы неоднократно говорили в различных интервью, что такое движение как Фемен не могло родиться ни в какой другой стране, кроме Украины. Почему?

Потому что мы появились в очень интересный для Украины исторический момент: становление демократии после Оранжевой революции, разрыв страны между западной демократией и азиатской диктатурой. Мне кажется, что общее распутье, на котором находилась наша страна, и породило нас. Без виража в сторону диктатуры

при Януковиче мы бы не стали тем, кто мы есть сейчас. Но и без Оранжевой революции и либерализации нас бы не было – при Кучме ничего подобного родиться не могло.

Мы появились в очень интересный для Украины исторический момент: становление демократии после Оранжевой революции, разрыв страны между западной демократией и азиатской диктатурой. Мне кажется, что общее распутье, на котором находилась наша страна, и породило нас.

И различие между двумя режимами стало видно сразу?

Буквально со дня на день. В начале июля 2010 года, когда агенты СБУ начали доставать активистов (а нас тогда в Киеве было человек сто) своими вопросами, мы решили провести протестную акцию. Накануне ко мне домой ночью явились два сотрудника СБУ и сказали, что не стоит этого делать, но я сначала даже не восприняла это всерьез. И акцию мы провели. Хотя у нас не было ни денег, ни "крыши", мы были девчонки-студентки. Но было внимание общественности и прессы, и мы пошли ва-банк, на свой страх и риск, надеясь, что это внимание нас спасет. И это сработало.

Что Вы думаете о ситуации в Украине сегодня?

Никаких радужных надежд у меня нет. Если к власти придут националисты, это будет еще хуже, чем Янукович. Вообще у меня смешанные чувства о Майдане. С одной стороны, я восхищаюсь теми, кто рискнул выйти на улицы. С другой, возмущаюсь, что они ждали десять лет – можно подумать, Янукович пришел вчера. Украинцы такие – они терпят-терпят, потом взрываются. Я бы предпочла не взрыв, а ежедневную защиту своих прав и свобод.

Считаете ли Вы, что движение Фемен в какой-то степени предвосхитило то, что происходит сегодня? Ведь вы были одними из тех, кто первыми выступил против Януковича?

Да, я льщу себя надеждой, что мы приложили к этому руку, что мы были той силой, которая постоянно подкидывала дрова в гаснувший огонь демократии и свободы. Конечно, силы наши ограничены, но мы, женщины, не боялись. И даже прошлым летом, когда нас избили в Киеве, мы продолжали призывать украинское общество защитить нас, объясняя, что расправятся с нами, придут за ними. Все это было связано с приездом в Киев президента Путина и патриарха Кирилла. Я помню шок российского журналиста Костюкова, когда у него отобрали камеру, избили, а потом еще потребовали 200 гривен штрафа.

Решение уехать с Украины было принято тогда же?

Нет, мы думали, что после отъезда Путина давление прекратится, ведь примененные к нам методы (похищение, избиение) были чисто российскими. Но, видимо, украинские спецслужбы решили перенять опыт – после повторного избиения в Одессе мы начали задумываться о будущем. Последней каплей стал подброс оружия в наш офис. На следующий день две мои коллеги покинули Украину, и я скоро последовала за ними – в Венецию, на показ фильма Китти Грин «Украина не

бордель». После этого, в сентябре прошлого года, я приехала в Швейцарию, потому что здесь живет моя сестра, она работает поваром в немецкоязычной части страны.

Здесь Вы приняли решение попросить политического убежища.

Я оказалась в безвыходной ситуации: туристическую визу продлить было невозможно, вернуться в Украину тоже. Решение о политическом убежище не было легким: это не только сложный, но и унижительный процесс. Я живу сейчас в лагере для беженцев в Раппертсвиле, стою вместе со всеми в очереди за едой.

Неделю назад швейцарские власти отказали Вам в предоставлении убежища. Как они это аргументировали?

Мое дело рассматривали в рамках Дублинского соглашения – поскольку я въехала в Европу по французской визе, именно во Франции мне и предложили просить убежище. Попробую подать апелляцию, но шансов мало.

А чем Вам Франция не нравится?

Когда меняешь жизнь и дом, хотелось бы иметь возможность его выбирать. Кроме того, в случае получения статуса политического беженца, я в течение пяти лет не смогу въехать в Украину, значит, сестра – единственный родной человек, с которым я могла бы общаться. Конечно, мне бы хотелось быть рядом с ней.

Вы знаете, конечно, что решения об ужесточение правил предоставления убежища и об ограничении миграции были приняты в результате референдумов. Одно из объяснений - раздражение, которое вызывают у граждан, люди, садящиеся им на шею, если уж называть вещи своими именами. Чем бы Вы занимались в Швейцарии, если бы смогли здесь остаться?

Я работаю с 17 лет, параллельно с учебой в университете. И здесь я не собиралась жить за счет государства. Сейчас я занимаюсь колумнистикой, плюс вместе с моим другом собиралась открыть фирму, которая работала бы в области политических технологий.

Так может, Вам и отказали, опасаясь, что Вы будете заниматься подрывной деятельностью?

Возможно, так как по всем остальным критериям я, по идее, подхожу.

Знаете, когда на нашей страничке в ФБ мы разместили информацию о том, что Вы попросили убежища, пришло немало комментариев, но ни одного - сочувственного. Как Вы на это реагируете? Как вообще реагируете на тех, кто отвергает вашу деятельность, подвергает ее насмешкам и оскорблениям?

Положительно, ведь это значит, что мы задеваем. Люди, сидящие на диване, часто ведут себя агрессивно по отношению к тем, кто что-то делает. Сначала мы расстраивались, потом привыкли и продолжаем делать то, во что верим.

Но если вы восстановите против себя всех?

Мы не политики, мы не ставим перед собой целью кому-то нравиться. Меня волнуют реакции людей, против которых направлены наши действия. Реакции же людей глупых, тех, кто сами ничего не делают, мне не интересны. Но если у кого-то есть разумные комментарии, конструктивные предложения, я всегда готова их выслушать.

[ЭКОНОМИКА](#)

Source URL:

<https://dev.nashgazeta.ch/news/politique/femen-specnaz-feministskogo-dvizheniya>